

МРНТИ 04.21.31

<https://doi.org/10.32523/2616-6895-2024-149-4-539-561>

Научная статья

Роль использования западных и российских социальных сетей в доверии к правительству в постсоветских республиках

Джэйсон Гайнус¹, Омар Дауди¹, Сара Крейшан¹, Маха Шахер¹,
Кевин Вагнер²

¹Университет Шарджи (ОАЭ),

²Атлантический Университет Флориды (США)

(E-mail: jgainous@sharjah.ac.ae, omar.daoudi@sharjah.ac.ae, U23105708@sharjah.ac.ae,
U23103968@sharjah.ac.ae, kwagne15@fau.edu)

Аннотация. Способность правительств сохранять власть существенно зависит от их способности управлять потоком информации для общественности. В то время как традиционно эти правительства контролировали традиционные СМИ, рост социальных сетей создал новые вызовы. В этом исследовании используются данные репрезентативного опроса, чтобы изучить, как различные платформы социальных сетей, в частности, Facebook и ВКонтакте, влияют на общественное доверие к центральным и местным властям в Казахстане, Кыргызстане и Грузии. Исследования показали, что в этих странах Facebook, как правило, транслирует антиправительственные сообщения, в то время как российская платформа ВКонтакте распространяет проправительственный контент. Это различие приводит к разным отношениям к доверию к правительству в зависимости от использования платформы. Наши результаты показывают, что использование Facebook отрицательно связано с доверием к центральным и местным властям в этих странах, в то время как использование ВКонтакте, как правило, оказывает противоположный эффект. Наши выводы подчеркивают важность понимания нюансов, которые социальные сети играют в формировании политических настроений и доверия к правительству в постсоветских странах.

Ключевые слова: использование социальных сетей, доверие к правительству, Facebook, ВКонтакте, постсоветские государства, Казахстан, Кыргызстан, Грузия.

Введение

Изучение использования социальных сетей пересекается с несколькими академическими дисциплинами, включая политологию, исследования коммуникаций, социологию и информационные технологии. Например, политология изучает влияние социальных сетей на политическое поведение, общественное мнение и демократические процессы, в то время как дисциплина коммуникации фокусируется на роли социальных сетей в формировании дискурса и распространении информации. Эти междисциплинарные аспекты использования социальных сетей подчеркивают многообразные роли, которые социальные сети играют в различных политических контекстах и их влияние на общественную динамику. Хотя платформы социальных сетей демократизируют доступ к информации, они не являются по своей природе демократическими или недемократическими. Вместо этого они служат инструментами, которые политические акторы могут использовать для различных целей, включая, парадоксально, преследование нелиберальных целей [1].

В демократических контекстах социальные сети стали неотъемлемой частью политического ландшафта, значительно усиливая политическое участие и активность. Платформы, такие как Facebook, X и TikTok, способствуют прямой коммуникации между политическими лидерами и гражданами, повышают прозрачность и предоставляют пространство для общественных дебатов и обсуждений. Они снижают барьеры для политического участия, способствуя мобилизации на местах и позволяя гражданам удобнее участвовать в политическом дискурсе [2]. Во время избирательных кампаний платформы социальных сетей используются для точного нацеливания на избирателей, распространения политических сообщений и мобилизации сторонников [3]. Однако использование социальных сетей сопряжено с вызовами, такими, как распространение дезинформации, эхо-камеры и алгоритмические предвзятости, которые могут подрывать информированное политическое принятие решений.

В недемократических контекстах социальные сети часто подвергаются строгому государственному контролю и надзору. Авторитарные режимы используют платформы социальных сетей для пропаганды государственных нарративов, мониторинга диссидентских голосов и формирования общественного мнения в соответствии с интересами правительства. Такие методы, как отключение интернета, различные виды цензуры и использование правительственных троллей и ботов, являются обычным делом для сохранения доминирования в цифровом пространстве [4]. Например, цензура в Китае представляет собой уникальный парадокс, когда правительство позволяет индивидуальную критику, но систематически подавляет коллективное выражение мнений. Этот стратегический подход, часто называемый "пористой цензурой", позволяет населению частично выражать недовольство, что может смягчить потенциальное напряжение, предоставляя выход для личных жалоб [5].

Таким образом, в ответ на влияние западных социальных сетей авторитарные режимы разработали и продвигают свои собственные платформы социальных сетей, чтобы противодействовать этой угрозе. Например, российская ВКонтакте, китайские

Weibo и WeChat служат яркими примерами платформ, выравненных с государством и предназначенных для предоставления альтернатив западным социальным сетям. Эти платформы подвергаются строгому государственному надзору, что позволяет властям контролировать поток информации и мониторить активность пользователей. В России, например, ВКонтакте сыграла важную роль в распространении государственных нарративов и подавлении оппозиционных движений путем цензуры контента и координации онлайн-кампаний [6].

Влияние российских платформ социальных сетей выходит за пределы России, особенно в страны Центральной Азии, такие, как Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан и другие. В этих регионах ВКонтакте и другие российские платформы популярны из-за исторических связей, языковых сходств и культурных связей. Эти платформы, вероятно, предоставляют российскому правительству средства для мягкой силы и поддержания влияния на постсоветские государства. Например, присутствие российских социальных сетей в Центральной Азии позволяет распространять пророссийские нарративы и контролировать местные политические события, таким образом, способствуя укреплению геополитических интересов России в регионе [7], [8]. Стратегическое использование социальных сетей в этих странах подчеркивает более широкий конкурс между западным и российским цифровым влиянием, при этом каждая платформа, вероятно, использует технологии для формирования политических результатов и общественного мнения в свою пользу, а также для получения возможной коммерческой выгоды.

Что касается доверия и использования социальных сетей, то рост социальных сетей трансформировал ландшафт политической коммуникации и общественного восприятия, особенно в том, как граждане доверяют своим местным и национальным правительствам. Платформы социальных сетей, включая Facebook и ВКонтакте, стали центральными аренами для политического дискурса [9], предоставляя беспрецедентные уровни вовлеченности и обмена информацией. Однако эта трансформация также внесла новые сложности в отношения между правительствами и гражданами. Восприятие доверия к правительству, которое является ключевым элементом для стабильности и легитимности любой политической системы, все чаще формируется взаимодействиями и контентом, встречающимся в социальных сетях.

В демократических обществах социальные сети как усилили, так и бросили вызов общественному доверию к правительству. С одной стороны, платформы социальных сетей предоставляют гражданам прямой доступ к правительственной информации и площадку для выражения своего мнения, что может способствовать чувству прозрачности и ответственности. Правительства могут использовать социальные сети для прямой коммуникации с общественностью, предоставления актуальной информации и реагирования на вопросы граждан, таким образом укрепляя доверие через воспринимаемую открытость и отзывчивость [10]. Во время кризисов или чрезвычайных ситуаций способность правительств быстро распространять информацию через социальные сети может повысить доверие общественности к их компетенции и приверженности общественной безопасности.

Тем не менее, те же самые социальные сети могут также способствовать снижению доверия к правительству. Быстрое распространение дезинформации, часто усиливаемой алгоритмами социальных сетей, может привести к путанице, цинизму и скептицизму по отношению к государственным институтам [11]. Отрицательные новости, скандалы и критические нарративы, кроме того, как правило, распространяются быстрее и шире, чем позитивная информация, что может исказить общественное восприятие и подрвать доверие как к местным, так и к национальным правительствам [12]. В недемократических контекстах влияние социальных сетей на общественное доверие к правительству формируется степенью государственного контроля и манипуляции этими платформами. Авторитарные режимы, осознавая силу социальных сетей в мобилизации протеста и распространении альтернативных нарративов, разработали стратегии использования и контроля этих платформ для сохранения своей власти [13]. Согласно [14], авторитарные режимы могут формировать общественное восприятие и поддерживать видимость легитимности, даже в условиях массовой коррупции или нарушений прав человека, контролируя поток информации в социальных сетях. В гибридных режимах, которые сочетают в себе черты как демократических, так и авторитарных систем, влияние социальных сетей на доверие к правительству особенно сложно. В странах, таких, как Казахстан и Кыргызстан, где распространены как западные социальные сети, такие, как Facebook, так и российские платформы, такие, как ВКонтакте, граждане подвергаются воздействию различных источников информации. Это создает динамичную среду, где восприятие доверия к правительству может сильно варьироваться в зависимости от используемой платформы и доминирующих на ней нарративов. Двойное влияние западных и российских социальных сетей в этих гибридных режимах подчеркивает более широкую борьбу за контроль над общественным восприятием и политической легитимностью в этих политических контекстах.

Используя данные опросов из Казахстана, Кыргызстана и Грузии, исследование анализирует, как Facebook и ВКонтакте влияют на общественное доверие к центральным и местным правительствам. Результаты показывают, что существует заметное различие в уровнях доверия к правительству в зависимости от используемой платформы. Использование Facebook связано с уменьшением доверия к правительству, тогда как использование ВКонтакте связано с увеличением доверия. Эти результаты подчеркивают важность понимания различных ролей, которые социальные сети играют в формировании политического доверия в постсоветских странах.

Восприятие доверия к правительству

Доверие – это сложное понятие, охватывающее несколько дисциплин, включая психологию, социологию, политологию, управление, коммуникацию, экономику и даже здравоохранение ([15], [16], [17], [18], [19], [20] и [21]). Хотя более широкая литература о доверии расширилась с 1970-х годов [22], эмпирические исследования, непосредственно касающиеся доверия в области коммуникации и политической коммуникации, начали появляться в 1950-х годах.

Понятие доверия остается несколько нечетким [23], однако несколько ученых попытались предложить более точные определения. Например, [24] описывают доверие

как по своей сути относящиеся к отношениям, включающим готовность человека подвергнуть себя уязвимости перед другим человеком, группой или институтом, которые обладают потенциалом причинить вред в определенной области. Существует два типа политического доверия: общее и индивидуальное. Общее политическое доверие относится к общему убеждению в том, что система отзывчива и будет действовать надлежащим образом без постоянного контроля [25], в то время как индивидуальное политическое доверие фокусируется на конкретных характеристиках политических деятелей, которые могут способствовать или подрывать доверие к правительству [26].

При рассмотрении понятия и определения доверия важно отметить, что некоторые ученые различают доверие и уверенность в литературе. Доверие считается имеющим психологическое измерение, поскольку оно переживается на индивидуальном уровне, тогда как уверенность ассоциируется с показателями эффективного управления [27]. Несмотря на это различие, литература признает, что эти понятия тесно взаимосвязаны. Соответственно, в этом исследовании доверие и уверенность рассматриваются как взаимозаменяемые термины.

Изучение доверия к правительствам приобрело все большее внимание на глобальном уровне, и различные кейс-стадии подчеркивают важность этого аспекта современного политического дискурса. Некоторые ученые утверждают, что доверие к правительствам неуклонно снижается в демократических странах [28],[29]. Однако другие исследователи считают, что это воспринимаемое снижение преувеличено, с минимальными статистически значимыми доказательствами, подтверждающими это утверждение, особенно в странах ОЭСР [30]. Rauh также предполагает, что эти исследования часто опираются на сравнения с идеализированным прошлым, что делает идею о снижении доверия сомнительной. Кроме того, [31] отметили, что доверие к правительствам имеет тенденцию к колебаниям из-за различных факторов, включая отсутствие всеобъемлющих данных из стран за пределами США и Европы. Более недавно [32] подчеркнули, что доверие, как правило, проявляет средне- и долгосрочную стабильность, с возможной краткосрочной волатильностью в зависимости от политического контекста.

Этот спор был дополнительно усилен введением Web 1.0, Web 2.0 и недавно Web 3.0, которые вводят такие инновации, как сервисы, основанные на искусственном интеллекте, и децентрализованную архитектуру данных [33]. [34] подчеркивает, что цифровизация и глобализация значительно сдвинули внимание обратно к изучению политического доверия. Многие ученые изучали, как эти цифровые достижения влияют на восприятие гражданами доверия к правительству. Некоторые сосредоточились на роли социальных сетей в формировании политического доверия, прозрачности и поляризации [35],[36]. Другие исследовали влияние электронного правительства, в частности, как интернет-услуги общественного обслуживания влияют на доверие к правительству [37]. Кроме того, некоторые исследователи подошли к этой проблеме, сосредоточившись на этнических меньшинствах и доминирующих группах [38], [39].

Эти цифровые изменения внесли инновационные методы, которые меняют то, как правительства и политические институты взаимодействуют с общественностью [40]. Однако, как отмечают [11], распространение дезинформации, политического цинизма

и политической недоверности, особенно в условиях кризисов, подрывает качество доверия. В результате стремительное расширение цифровых платформ и продуктов вызвало дискуссии вокруг теории интернет-регулирувания, что привело к концепции пост-публичной сферы. [41] описывает это как состояние, в котором платформизация цифровых технологий и новые практики регулирования оказали дестабилизирующее воздействие на демократию.

Анализ вопроса о доверии к правительству в цифровую эпоху становится все более актуальным, особенно в различных демократических контекстах по всему миру. Анализ доверия через различные переменные может служить индикаторами политической легитимности и стабильности. Низкий уровень доверия может иметь значительные реальные последствия, так как демократические системы не могут существовать без поддержки большинства граждан [28]. Например, основное недовольство может привести к возможной революции, что, в свою очередь, дестабилизирует социальный и политический порядок. [42] утверждают, что, когда граждане теряют доверие к своим правительствам, они менее склонны соблюдать законы и более склонны к политической конфронтации и насилию, что еще больше дестабилизирует страну.

Литература по вопросу доверия к правительствам в контексте постсоветских стран подчеркивает сложное взаимодействие между историческими наследиями, политическими структурами и современными социальными динамиками. Однако роль социальных сетей, особенно западных платформ, таких как Facebook, и российских платформ, таких как ВКонтакте, в формировании этих динамик доверия до сих пор недостаточно исследована. Исследования показали, что социальные сети могут существенно влиять на политические настроения и общественное доверие, формируя поток информации и характер политического дискурса [43], [44], [45]. Facebook, с его глобальным охватом, часто служит платформой для западных либеральных ценностей и нарративов, в то время как ВКонтакте, глубоко встроенная в российскую цифровую экосистему, отражает политическую и культурную реальность региона [46],[47]. Несмотря на потенциальное влияние этих платформ на доверие к правительству, существует заметный дефицит исследований, непосредственно изучающих, как их использование влияет на восприятие легитимности и стабильности в постсоветских странах. Этот пробел в литературе значителен, учитывая растущую важность цифровой коммуникации в этих обществах и возможные последствия для демократического управления и общественного сплочения [48].

В заключение, восприятие доверия к правительству является критически важной областью исследования, особенно в контексте постсоветских стран, где исторические, политические и культурные факторы уникально влияют на общественное доверие. Роль социальных платформ, таких как Facebook и ВКонтакте, в формировании этих восприятий имеет особое значение. Facebook, преимущественно западная платформа, и ВКонтакте, российская аналог, предлагают контрастные среды, которые отражают различие геополитического влияния в этих регионах. Однако, несмотря на значительное влияние, которое эти платформы могут оказать на общественное доверие, существует заметный дефицит в академической литературе, посвященной этому вопросу. Лишь

немногие исследования систематически изучили, как использование этих платформ соотносится с доверием к местным и национальным правительствам [49]. Этот пробел особенно тревожит, учитывая растущую важность цифровой коммуникации в формировании политических настроений и поведения.

Цифровое потребление и социальные сети

Интернет стал важнейшей платформой для распространения информации, значительно изменив то, как информация распространяется и потребляется по всему миру [33]. Этот сдвиг оказал глубокое влияние на политическую сферу, где доступ к информации является жизненно важным для формирования общественного мнения, способствования политическому участию и влияния на восприятие доверия к правительству в зависимости от различных контекстуальных факторов. Способность интернета снижать барьеры для доступа позволила маргинализированным голосам выражать свои мнения, организовывать события и предлагать альтернативные интерпретации событий [50], [51], [52]. Кроме того, цифровые платформы могут служить катализатором политических изменений, способствуя организации протестов, раскрытию политических скандалов и поощрению гражданского участия, что может привести к значительным социальным и политическим потрясениям [53].

Помимо этих динамик, рост социальных сетей также открыл путь для появления новых классов и методов онлайн-участия [54]. Это включает в себя рост политических влиятельных лиц, которые формируют общественный дискурс на цифровых платформах [55], и рост онлайн-участия в журналистике, что позволяет гражданам напрямую участвовать в создании новостей [56]. Более того, создание и распространение контента, созданного пользователями, демократизировало производство информации, бросая вызов традиционным средствам массовой информации [57]. Кроме того, в недемократических контекстах интернет предоставляет пространство для гражданского общества участвовать в формах участия, которые могут быть ограничены оффлайн [58]. Пересечение этих событий подчеркивает преобразующий эффект интернета на политические процессы, что подчеркивает необходимость продолжать исследовать его эволюционирующую роль в формировании управления и общественного доверия.

Академический дискурс в литературе сосредоточен на концепциях и практиках цифровой политики через использование платформ социальных сетей в различных контекстах, включая TikTok, Facebook и X [59], [60], [52] [61]. Еще одним значительным направлением исследований является роль цифровых платформ в России, где исследования VK (ВКонтакте) показали, что увеличение использования коррелирует с протестной активностью [62]. Кроме того, другие исследования изучали взаимодействие между социальными сетями, политической оппозицией и выборами в Государственную Думу России в 2011 и 2016 годах, предлагая представления о влиянии этих платформ на избирательную динамику [63].

Например, [45] утверждают, что изучение предпочтений активистов оппозиции в отношении западных социальных сетей по сравнению с отечественными. Их исследование показывает, что эти платформы были ключевыми в распространении политической информации и мобилизации сторонников, несмотря на большее

количество пользователей на отечественных платформах. Эффективность западных социальных сетей в повышении политической осведомленности и организации протестов против предполагаемых фальсификаций на выборах подчеркивает вызовы, с которыми сталкиваются авторитарные режимы при контроле цифровой информации. Последующие усилия правительства по ограничению использования цифровых медиа подчеркивают продолжающуюся борьбу между государственным контролем и цифровым активизмом.

[63] расширяют это, подчеркивая значительное влияние социальных сетей на политическую оппозицию, демонстрируя, что российское правительство восприняло социальные сети, особенно западные платформы, такие, как Facebook и Twitter, как катализаторы демонстраций 2011-2012 годов против фальсификаций на выборах. Это восприятие угрозы привело к внедрению строгих мер по контролю за потоком цифровой информации, включая мониторинг онлайн-контента, блокировку веб-сайтов и преследование диссидентских блогеров, что эффективно подавило общественное недовольство и политическую мобилизацию к выборам 2016 года.

Обе работы коллективно подчеркивают преобразующий потенциал социальных сетей в авторитарных контекстах. Они иллюстрируют, как цифровые платформы могут бросать вызов государственным нарративам, способствовать политическому участию и мобилизовать оппозицию, даже в условиях строгого контроля. Ответ российского правительства на эти вызовы через усиление регулирования и контроля за цифровыми медиа отражает более широкие последствия для авторитарных режимов по всему миру, подчеркивая критическую роль цифровых медиа в современных политических процессах.

Похожие тенденции также были обнаружены в Центральной Азии, где исследования изучали социальные сети в контексте гражданских и политических свобод. Например, [7] обнаружил, что социальные сети стали критическим инструментом для коммуникации и мобилизации в Казахстане, Кыргызстане и Грузии, каждая из которых отражает уникальную социополитическую динамику. В Казахстане использование социальных сетей строго регулируется правительством, которое стремится контролировать поток информации, однако они остаются важной платформой для общественного дискурса, особенно среди молодежи, ищущей независимые источники новостей. Кыргызстан, напротив, предлагает относительно более свободную среду для социальных сетей, которые сыграли значительную роль в политической мобилизации, как это было видно во время Тюльпановой революции и последующих политических движений. Однако сохраняются вызовы, такие, как дезинформация и государственный надзор. Грузия, с другой стороны, использовала социальные сети как ключевую платформу для демократического участия, особенно во время выборов, хотя проблемы с дезинформацией и поляризацией продолжают представлять вызовы для её цифрового ландшафта. В целом социальные сети в этих постсоветских странах отражают сложное взаимодействие между контролем и свободой, причем их влияние тесно связано с политическим контекстом каждой страны.

Еще одно исследование, проведенное [8], исследует медиаландшафт в Центральной Азии, подчеркивая двойную роль медиа как платформы для общественного дискурса и инструмента политического контроля. Авторы подчеркивают значительные различия в свободе медиа в Казахстане, Кыргызстане, Таджикистане, Туркменистане и Узбекистане, причем Туркменистан является крайне репрессивным, а Кыргызстан - более плюралистическим. Общей тенденцией в регионе является стремление правящих элит контролировать медианарративы и минимизировать иностранное влияние для сохранения политического господства. Несмотря на рост цифровых медиа, особенно среди молодежи, которые труднее регулировать, внедрение западных медийных моделей в значительной степени потерпело неудачу из-за сопротивления местных элит. Они также критикуют западные индексы свободы медиа за неспособность полностью охватить сложности роли медиа в этих обществах, отмечая продолжающееся влияние российских медиа, особенно в формировании общественного мнения в странах, где русский язык остается широко распространенным.

Таким образом, эта статья стремится выйти за рамки конкретного использования социальных сетей и конкретных политических контекстов, чтобы охватить более широкое исследование использования социальных сетей и доверия к правительствам в Казахстане, Кыргызстане и Грузии. Стремясь преодолеть этот пробел в литературе, статья обеспечивает, чтобы исследование не сосредотачивалось исключительно на изолированных случаях использования социальных сетей, но интегрировало разнообразный спектр использования социальных сетей в постсоветских странах для лучшего понимания сложности использования социальных сетей и доверия к правительствам.

Из вышеуказанного обсуждения очевидно, что существующие эмпирические исследования предоставляют ценные инсайты в сложные взаимоотношения между использованием социальных сетей и доверием к правительствам в различных контекстах. Несмотря на расширяющийся объем исследований на эту тему, результаты часто являются противоречивыми и недостаточно ясными, оставляя несколько критических вопросов нерешенными. Это исследование стремится устранить эти пробелы, используя репрезентативные данные опросов для изучения того, как различные платформы социальных сетей, в частности, Facebook и ВКонтакте, влияют на общественное доверие к центральным и местным правительствам в Казахстане, Кыргызстане и Грузии. В частности, необходимо провести дальнейшее исследование, чтобы понять, как и при каких условиях эти переменные влияют на доверие к правительствам выбранных постсоветских стран.

Данные и измерения

Исследование собрало данные от лиц в возрасте от 18 лет и старше в Грузии, Казахстане и Кыргызстане, исключая тех, кто находится в труднодоступных районах или институциональных учреждениях. Каждая страна имела размер выборки не менее 1200 респондентов: Грузия (n = 1233), Казахстан (n = 1207) и Кыргызстан (n = 1201). Полевые работы проводились с конца ноября до середины декабря 2023 года и завершились к 15 декабря. Интервью проводились на местных языках или на русском языке с

использованием компьютеризированного телефонного интервьюирования (CATI), используя метод случайного набора номеров (RDD) для генерации выборки. Процесс RDD включал случайную генерацию телефонных номеров программным обеспечением без стратификации. Для обеспечения надежности данных были внедрены строгие процедуры контроля качества, включая обратные проверки и статистический контроль. Весовые коэффициенты опроса были рассчитаны с использованием итеративного пропорционального метода подбора и применены к наборам данных, чтобы они точно отражали демографический состав опрошенных популяций. Эти веса учитывали основные демографические группы, такие, как пол, возраст, тип поселения, этническая принадлежность и образование, в соответствии с данными национальной переписи.

Хотя большинство респондентов ответили на все вопросы опроса, мы столкнулись с некоторыми пропущенными значениями, что является обычным в опросных исследованиях. Для минимизации возможных предвзятостей в наших моделях из-за этих пропущенных данных мы использовали методы множественной иммитации [64]. Наши модели иммитации включали все переменные, рассматривая их как номинальные или порядковые, где это было уместно. Мы создали 30 реплицированных наборов данных, заполнив пропущенные значения выборками из апостериорного распределения на основе наблюдаемых данных. Этот метод позволил нам усреднить эти наборы данных, сохранив оригинальный размер выборки и предотвратив снижение стандартных ошибок [65].

Мы применили комплексный методологический подход, подходящий для наблюдательных данных, чтобы изучить взаимосвязь между использованием социальных сетей и доверием к правительству. Изначально мы изучили описательную статистику для наших зависимых переменных: доверие к центральному правительству, доверие к местному правительству и общее доверие к правительству. Затем мы построили серию моделей регрессии наименьших квадратов (OLS). Первая модель оценивала доверие к центральному правительству в зависимости от использования Facebook, использования ВКонтакте, возраста, образования, дохода, пола, уровня урбанизации и фиктивных переменных для Казахстана и Кыргызстана, используя Грузию в качестве эталонной категории из-за ее статуса самой демократичной страны в выборке. Вторая модель была сосредоточена на доверии к местному правительству, используя тот же набор независимых переменных и контролей. Эта модель предоставила инсайты в том, как различные платформы социальных сетей и демографические факторы влияют на доверие на уровне местных властей. Третья модель изучала общее доверие к правительству, используя индекс доверия к центральному и местному правительствам, также включая использование Facebook и ВКонтакте наряду с демографическими и страновыми контролями. Этот комплексный подход позволил нам определить степень, в которой использование различных платформ социальных сетей влияет на доверие к различным уровням правительств в Казахстане, Кыргызстане и Грузии. Каждая модель включала контроли для ключевых демографических переменных для обеспечения надежного анализа.

Наши меры доверия к правительству основываются на ответах на два простых и прямых вопроса: Какое доверие вы испытываете к следующим институтам? Среди вариантов они спросили о "центральном правительстве" и "местном правительстве". Варианты ответов включали: Полное доверие, Достаточно доверия, Небольшое доверие и Полное отсутствие доверия. Распределение этого элемента по странам представлено на Рисунке 1. Оба графика показывают аналогичную модель распределения, где большинство респондентов попадают в категорию "Достаточно доверия", что составляет примерно 40% как для центральных, так и для местных правительств. Однако существуют некоторые заметные различия. Около 12% респондентов сообщили, что они вообще не доверяют центральному правительству, по сравнению с 15% для местного правительства. Кроме того, 20% респондентов выразили небольшое доверие к центральному правительству, в то время как 25% указали то же самое для местного правительства. Наиболее значительное различие наблюдается в категории "Полное доверие", где 28% респондентов имеют полное доверие к центральному правительству, по сравнению всего с 20% для местного правительства. В целом, хотя оба уровня правительства пользуются значительным доверием среди респондентов, центральное правительство, как правило, вызывает больше доверия среди своих сторонников. В то время как местное правительство сталкивается с несколько большим скептицизмом, с более высокой долей респондентов, выражающих недоверие или небольшое доверие. Это предполагает, что, хотя уровни доверия в целом высоки для обоих, центральное правительство воспринимается более благосклонно большей частью респондентов.

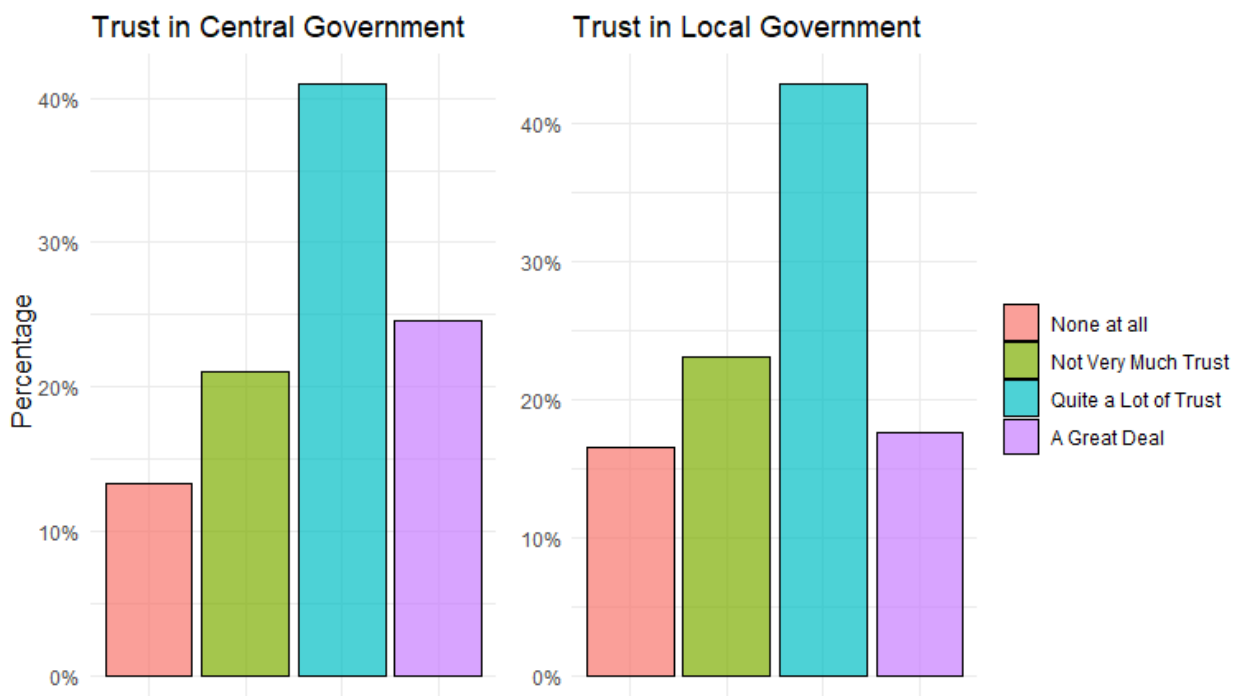

Рисунок 1. Распределение доверия к правительству.

Для регрессионных моделей мы преобразовали эти элементы в числовые значения, инвертировали их так, чтобы более высокие значения соответствовали большему доверию, и нормализовали их, масштабируя от 0 до 1, сохраняя исходные интервалы. Затем, учитывая очевидную тесную связь между доверием к центральному и местному правительствам, мы построили аддитивный индекс из двух элементов ($\alpha = 0.78$), также нормализовав его путем масштабирования от 0 до 1, сохраняя интервалы.

Что касается наших показателей использования социальных сетей, респондентам был задан вопрос: "Можете ли вы сказать, пользуетесь ли вы следующими социальными сетями? Если да, то сколько часов в день вы их используете? (0-1, 1-2, 2-3, 3-4, 4-5, 5-6, 6-7, 7-8, 8-9, более 9)". Респондентам предложили несколько социальных сетей, включая Facebook и ВКонтакте. Некоторые респонденты добровольно сообщили, что не используют ни одну из них. Мы закодировали их как 0, а тех, кто ответил 0-1, как вторую наименьшую категорию, остальные категории были размещены в соответствующем порядке, после чего каждый показатель был нормализован путем масштабирования от 0 до 1, сохраняя исходные интервалы. Распределение каждого элемента представлено на Рисунке 2, который включает два скрипичных графика, сравнивающих наши нормализованные показатели использования Facebook и ВКонтакте. Каждый график показывает распределение оценок, среднее значение (обозначено красным ромбом) и 95% доверительные интервалы (представлены линиями ошибок).

График использования Facebook показывает относительно широкое распределение оценок с несколькими выраженными пиками. Распределение плотнее в нижней части шкалы, что указывает на то, что значительная часть респондентов имеет низкий уровень использования Facebook. Среднее значение, обозначенное красным ромбом, расположено ниже средней точки шкалы, что отражает эту тенденцию. 95% доверительный интервал вокруг среднего значения довольно узкий, что указывает на точность оценки среднего значения и незначительную изменчивость. Напротив, скрипичный график использования ВКонтакте показывает намного более узкое распределение с резким пиком в нижней части шкалы. Это указывает на то, что большинство респондентов имеет очень низкий уровень использования ВКонтакте. Среднее значение, также обозначенное красным ромбом, находится близко к нижней части шкалы, подтверждая низкий общий уровень использования. 95% доверительный интервал также узкий, что подчеркивает точность оценки среднего значения для использования ВКонтакте. Это свидетельствует о том, что респонденты более активно пользуются Facebook по сравнению с ВКонтакте, что, возможно, отражает различия в популярности платформ или доступности. Парный t-тест подтверждает, что эта разница статистически значима ($p < 0.00$).

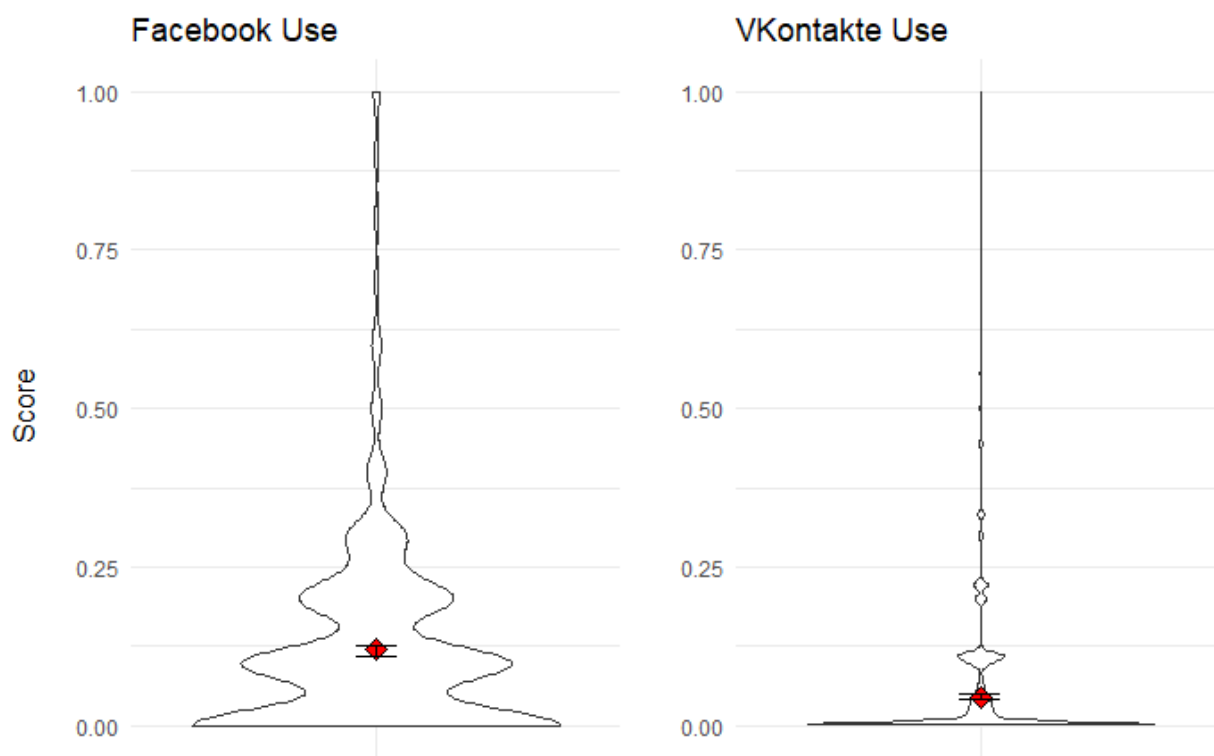

Рисунок 2. Распределение использования социальных сетей.

В наших моделях контрольные переменные измеряются следующим образом, при этом все значения нормализованы в диапазоне от 0 до 1 для сохранения исходных интервалов, а бинарные переменные рассматриваются как фиктивные переменные, кодируемые как 0 или 1. Возраст делится на группы: 18-24, 25-34, 35-44, 45-54, 55-64 и 65+, при этом каждой группе присваивается соответствующее числовое значение. Уровень образования измеряется по шкале от 1 до 7, отражающей наивысший уровень образования респондента, от отсутствия образования до полного высшего образования. Пол определяется интервьюером и кодируется как бинарная переменная: женский пол кодируется как 1, мужской — как 0. Урбанизация измеряется путем вопроса, живет ли респондент в городе или деревне, при этом проживание в городе кодируется как 1, а проживание в деревне — как 0. Эти меры обеспечивают стандартизированный подход к учету демографических факторов в нашем анализе.

Результаты

Признавая, что наше исследование включает в себя причинные выводы, несмотря на наблюдательный характер наших данных, мы использовали метод укрупненного точного сопоставления (СЕМ) для снижения потенциальной эндогенности, устранения

дисбалансов в наших регрессионных моделях и повышения внутренней валидности наших выводов. Наблюдательные данные часто создают трудности при определении причинности, так как у людей, которые часто пользуются социальными сетями, могут быть специфические характеристики, влияющие на их поведение, что затрудняет разграничение эффектов. Стандартные регрессионные модели могут ошибочно предположить, что использование социальных сетей напрямую влияет на результаты, не учитывая лежащие в основе экзогенные переменные. СЕМ помогает снизить эти риски, обеспечивая сбалансированные характеристики между группами обработки и контроля на основе наблюдаемых переменных.

СЕМ работает путем сопоставления респондентов из групп обработки и контроля по выбранным наблюдаемым переменным для создания сбалансированных групп. Хотя он не может воспроизвести рандомизацию настоящих экспериментов, он повышает уверенность в наших моделях, устраняя наблюдаемые дисбалансы. Мы создали фиктивные переменные для каждой меры использования социальных сетей (Facebook и ВКонтакте), чтобы представить наши псевдолечебные переменные, кодируя их как 0 для значений ниже среднего и 1 для значений выше среднего. Затем мы укрупнили другие ковариаты (например, возраст, урбанизацию, пол, образование и доход) в квартильные группы. С помощью СЕМ мы сопоставили респондентов из обеих групп лечения и их соответствующих контрольных групп на основе этих укрупненных переменных. Случаи, которые не были сопоставлены в обеих моделях СЕМ для лечения Facebook и ВКонтакте, были исключены из анализа. Этот процесс "обрезки" привел к более сбалансированному набору данных для последующих регрессионных моделей, где мы использовали ранее описанные модели OLS, используя "обрезанные" данные.

Эффективность нашей процедуры сопоставления иллюстрируется на графике "Love plot" на Рисунке 3, который показывает стандартизированные средние различия между группами лечения и контроля для каждой ковариаты до (неадаптированные) и после (адаптированные) применения СЕМ. Адаптированные выборки показывают практически идеальный баланс по ковариатам, тогда как неадаптированные выборки демонстрируют значительные различия. Это визуальное представление демонстрирует улучшение баланса ковариат, достигнутое с помощью СЕМ, что придает больше доверия нашим причинным выводам. В заключение, хотя СЕМ не полностью устраняет риск эндогенности, он значительно снижает потенциальные предвзятости за счет балансировки наблюдаемых переменных между группами лечения и контроля. Этот метод повышает надежность наших выводов, обеспечивая большую уверенность в том, что наблюдаемые взаимосвязи в следующих моделях не обусловлены лежащими в основе дисбалансами.

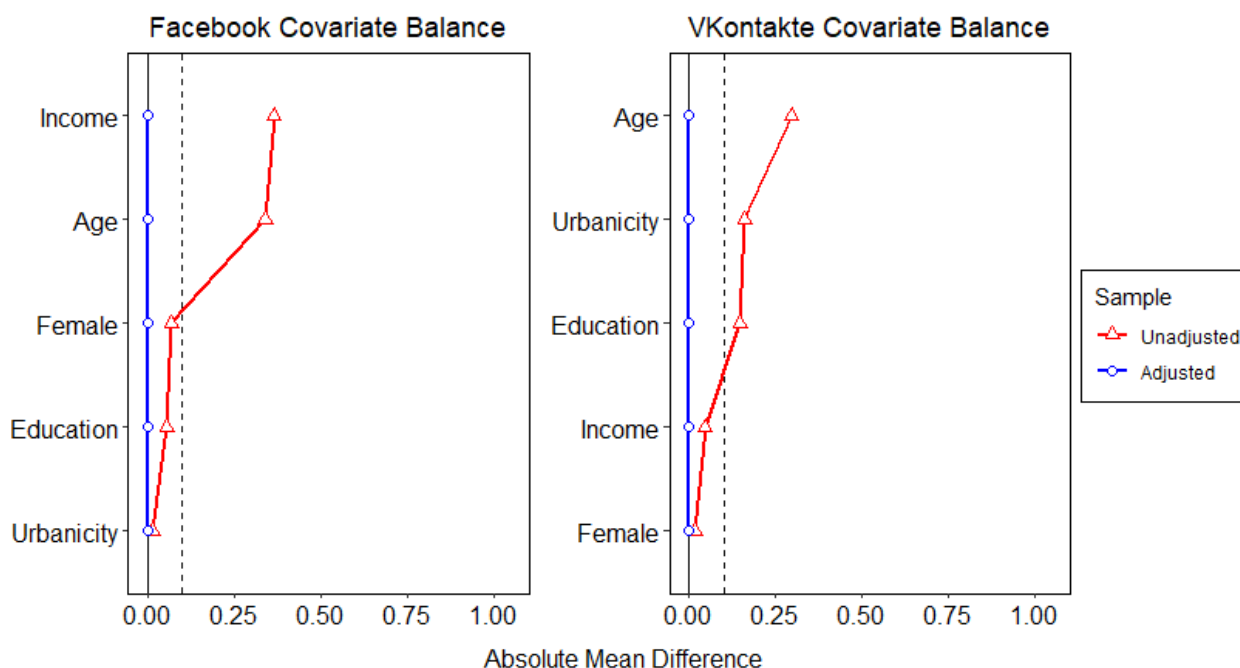

Рисунок 3. Улучшение баланса модели с использованием СЕМ.

Эти регрессионные модели представлены в Таблице 1. Первая модель исследует доверие к центральному правительству. Результаты показывают, что использование Facebook существенно отрицательно связано с доверием к центральному правительству ($\beta = -0.20$, $p \leq 0.05$). Это указывает на то, что увеличение использования Facebook на одну единицу связано с уменьшением доверия к центральному правительству на 0.20 единицы. Напротив, использование ВКонтакте существенно положительно связано с доверием к центральному правительству ($\beta = 0.14$, $p \leq 0.05$), что указывает на то, что увеличение использования ВКонтакте на одну единицу связано с увеличением доверия к центральному правительству на 0.14 единицы. Кроме того, урбанизация и страновые эффекты для Казахстана и Кыргызстана значимы, что предполагает, что проживание в городском районе или в этих странах влияет на уровень доверия. В частности, сельские жители, как правило, имеют немного более высокое доверие к центральному правительству ($\beta = 0.04$, $p \leq 0.05$), а жители Казахстана и Кыргызстана имеют более высокое доверие по сравнению с контрольной страной, Грузией ($\beta = 0.09$) и ($\beta = 0.17$) соответственно, оба ($p \leq 0.05$).

Таблица 1

Оценки регрессии доверия к правительству

	Доверие к центральному правительству	Доверие к местному правительству	Индексированное доверие
Использование Facebook	-0.20*	-0.20*	-0.20*
	(0.04)	(0.04)	(0.04)

Использование ВКонтакте	0.14*	0.09#	0.12*
	(0.05)	(0.05)	(0.05)
Возраст	0.02	-0.06*	-0.02
	(0.03)	(0.03)	(0.02)
Образование	-0.02	-0.02	-0.02
	(0.02)	(0.03)	(0.02)
Доход	0.00	-0.00	-0.00
	(0.02)	(0.02)	(0.02)
Женский пол	-0.01	-0.01	-0.01
	(0.01)	(0.01)	(0.01)
Урбанизация	0.04*	0.04*	0.04*
	(0.01)	(0.01)	(0.01)
Казахстан	0.09*	0.01	0.05*
	(0.02)	(0.02)	(0.01)
Кыргызстан	0.17*	-0.02	0.07*
	(0.02)	(0.02)	(0.01)
Наблюдения	3,283	3,283	3,283
R2	0.08	0.01	0.04

Примечание: Записи в таблице являются оценками метода наименьших квадратов, пропущенные значения заменены с использованием метода множественной иммитации, данные очищены с использованием SEM, * $p \leq 0.05$, # $p \leq 0.10$.

Вторая модель сосредоточена на доверии к местному правительству. Здесь использование Facebook снова показывает значительную отрицательную взаимосвязь ($\beta = -0.20$, $p \leq 0.05$), что означает, что увеличение использования Facebook на одну единицу приводит к снижению доверия к местному правительству на 0.20 единицы. Использование ВКонтакте имеет положительную взаимосвязь, но не является статистически значимой на уровне 0.05, хотя значимо на уровне 0.10 ($\beta = 0.09$). Возраст показывает значительную отрицательную взаимосвязь ($\beta = -0.06$, $p \leq 0.05$), что указывает на то, что пожилые люди, как правило, имеют меньшее доверие к местному правительству. Урбанизация остается значимой ($\beta = 0.04$, $p \leq 0.05$), что указывает на более высокое доверие среди сельских жителей. В отличие от модели центрального правительства, страновые эффекты для Казахстана и Кыргызстана не являются значимыми в этой модели. Третья модель объединяет доверие к центральному и местному правительствам в индексированную меру доверия. Использование Facebook остается отрицательно связанным с индексированным доверием ($\beta = -0.20$, $p \leq 0.05$), а использование ВКонтакте остается положительно связанным ($\beta = 0.12$, $p \leq 0.05$). Это подтверждает различные эффекты этих платформ на общее доверие к правительству.

Урбанизация ($\beta = 0.04$, $p \leq 0.05$) и страновые эффекты для Казахстана ($\beta = 0.05$, $p \leq 0.05$) и Кыргызстана ($\beta = 0.07$, $p \leq 0.05$) также значимы в этой модели.

Заключение

Результаты, представленные в этой статье, согласуются с теоретической предпосылкой о том, что платформы социальных сетей играют различные роли в формировании политических настроений и доверия к правительству. Facebook, известный своими антиправительственными сообщениями, кажется, подрывает доверие как к центральному, так и к местным правительствам. ВКонтакте, который, как правило, распространяет проправительственный контент, имеет противоположный эффект, усиливая доверие к правительству, особенно на центральном уровне. Результаты демонстрируют, что использование Facebook последовательно связано с меньшим доверием к правительству, тогда как использование ВКонтакте, как правило, увеличивает доверие, особенно к центральному правительству. Эти закономерности подчеркивают важность понимания нюансированных эффектов различных платформ социальных сетей на политические настроения в постсоветских странах.

Хотя результаты этого исследования предлагают ценные инсайты в различное влияние Facebook и ВКонтакте на политические настроения и доверие к правительству, следует отметить несколько ограничений. Во-первых, наблюдательный характер данных ограничивает нашу способность делать окончательные причинные выводы. Несмотря на использование метода укрупненного точного сопоставления (SEM) для снижения потенциальных предвзятостей, ненаблюдаемые скрытые переменные все же могут влиять на результаты. Во-вторых, исследование основывается на самодекларируемых данных, которые могут быть подвержены искажению в сторону социального одобрения или неточному отчету. В-третьих, кросс-секционный дизайн предоставляет моментальный снимок во времени, что затрудняет фиксирование изменений в использовании социальных сетей и политических настроениях со временем. Наконец, культурные и политические контексты Казахстана, Кыргызстана и Грузии уникальны, что может ограничить обобщаемость результатов на другие регионы или страны с иными медийными ландшафтами и политическими средами.

Будущие исследования должны учесть эти ограничения и развивать выводы текущего исследования. Продольные исследования могут предоставить более глубокое понимание того, как использование социальных сетей влияет на политические настроения и доверие к правительству со временем, фиксируя возможные изменения в общественном мнении. Кроме того, экспериментальные дизайны могли бы предложить более надежные причинные доказательства, манипулируя воздействием различных типов контента в социальных сетях. Расширение охвата исследования на более широкий круг стран с различными политическими системами и медийными средами увеличит обобщаемость выводов. Далее, качественные исследования могли бы изучить механизмы, лежащие в основе наблюдаемых взаимосвязей, предлагая более глубокое понимание того, как

и почему различные платформы социальных сетей влияют на политическое доверие. Наконец, будущие исследования должны учитывать роль новых платформ социальных сетей и их потенциал формировать политические настроения, отличные от тех, которые уже установлены, как Facebook и ВКонтакте.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан в рамках проекта «Политические последствия интернета и новых цифровых медиа в Центральной Азии» (ИРН BR18574218).

Вклада авторов:

Джейсон Гейнус: разработал концепцию статьи, подготовил основную часть содержания и провел регрессионный анализ. Он несет основную ответственность за разработку дизайна исследования, теоретических основ и разделов анализа.

Омар Дауди: работал вместе с Гейнусом над концепцией статьи, подготовил значительную часть содержания и провел регрессионный анализ. Он внес вклад в разработку дизайна и методологии исследования.

Сара Крейшан: написание обзора литературы и редактировании статьи. Внесла свой вклад в пересмотр окончательного варианта рукописи и обеспечение ее форматирования в соответствии с требованиями журнала.

Маха Шахер: сотрудничала с Сарой Крейшан в написании обзора литературы, редактировании и доработке окончательного варианта рукописи. Она также помогла оформить содержание в соответствии со стандартами журнала по форматированию и подаче материала.

Кевин Вагнер: предоставил услуги по переводу статьи, обеспечив точную передачу языка и терминологии, а также связность текста в окончательном виде.

Список литературы

1. Tucker, J. A., Theocharis, Y., Roberts, M. E. and Barberá, P., 2017. From liberation to turmoil: social media and democracy. *Journal of Democracy*, 28 (4), 46–59.
2. Loader, B. and Mercea, D., 2011. NETWORKING DEMOCRACY?: Social media innovations and participatory politics. *Information, Communication & Society*, 14 (6), 757–769.
3. Kreiss, D., 2016. Seizing the moment: The presidential campaigns' use of Twitter during the 2012 electoral cycle. *New Media & Society*, 18 (8), 1473–1490.
4. Bradshaw, S. and Howard, P., 2017. Troops, Trolls and Troublemakers: A Global Inventory of Organized Social Media Manipulation. UK: University of Oxford . No. 12.
5. King, G., Pan, J. and Roberts, M. E., 2013. How Censorship in China Allows Government Criticism but Silences Collective Expression. *The American Political Science Review*, 107 (2), 326–343.
6. Frye, T., 2021. *Weak Strongman: The Limits of Power in Putin's Russia*. Princeton University Press.
7. Reyaz, M., 2020. Cyberspace in the Post-Soviet States: Assessing the Role of New Media in Central Asia. *Jadavpur Journal of International Relations*, 24 (1), 7–27.

8. Rollberg, P. and Laruelle, M., 2015. The Media Landscape in Central Asia: Introduction to the Special Issue. *Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization*.
9. Pilgun, M. and Gradoselskaya, G., 2015. Comunicación política en la red social Facebook: segmento rusoparlante. *Revista Latina de Comunicación Social*, (70), 726–749.
10. Mergel, I., 2013. Social media adoption and resulting tactics in the U.S. federal government. *Government Information Quarterly*, 30 (2), 123–130.
11. Shahbazi, M. and Bunker, D., 2024. Social media trust: Fighting misinformation in the time of crisis. *International Journal of Information Management*, 77, 102780.
12. Allcott, H. and Gentzkow, M., 2017. Social Media and Fake News in the 2016 Election. *Journal of Economic Perspectives*, 31 (2), 211–236.
13. Howard, P. and Hussain, M., 2013. *Democracy's Fourth Wave?: Digital Media and the Arab Spring*. Oxford University Press.
14. Roberts, M., 2018. *Censored: Distraction and Diversion Inside China's Great Firewall*. Princeton University Press.
15. Wingen, T., Berkessel, J. and Englich, B., 2020. No Replication, No Trust? How Low Replicability Influences Trust in Psychology. *Social Psychological and Personality Science*, 11 (4), 454–463.
16. Cook, K. and Santana, J., 2020. Trust: Perspectives in Sociology. In: Simon, J., ed. *The Routledge Handbook of Trust and Philosophy*. Routledge, 189–204.
17. Puranam, P. and Vanneste, B., 2009. Trust and Governance: Untangling a Tangled Web. *The Academy of Management Review*, 34 (1), 11–31.
18. Festenstein, M., 2020. Political Trust, Commitment and Responsiveness. *Political Studies*, 68 (2), 446–462.
19. Flew, T. and Jiang, Y., 2021. Trust and Communication: Looking Back, Looking Forward. *Global Perspectives*, 2 (1), 25395.
20. Newton, K., 2020. Government Communications, Political Trust and Compliant Social Behaviour: The Politics of Covid-19 in Britain. *The Political Quarterly*, 91 (3), 502–513.
21. Tonkiss, F., 2000. Trust, Social Capital and Economy. In: *Trust and Civil Society*. London: Palgrave Macmillan UK, 72–89.
22. Uslaner, E. M., ed. 2017. *The Oxford Handbook of Social and Political Trust*. Oxford University Press.
23. Luhmann, N., 2000. Familiarity, Confidence, Trust: Problems and Alternatives.
24. Levi, M. and Stoker, L., 2000. Political Trust and Trustworthiness. *Annual Review of Political Science*, 3 (1), 475–507.
25. Miller, A. and Listhaug, O., 1990. Political Parties and Confidence in Government: A Comparison of Norway, Sweden and the United States. *British Journal of Political Science*, 20 (3), 357–386.
26. Citrin, J. and Green, D., 1986. Presidential Leadership and the Resurgence of Trust in Government. *British Journal of Political Science*, 16 (4), 431–453.
27. Llewellyn, S., Brookes, S. and Mahon, A., 2013. *Trust and Confidence in Government and Public Services (Routledge Critical Studies in Public Management)*. Routledge.
28. Miller, A., 1974. Political Issues and Trust in Government: 1964–1970. *American Political Science Review*, 68 (3), 951–972.

29. Catterberg, G., 2006. The Individual Bases of Political Trust: Trends in New and Established Democracies. *International Journal of Public Opinion Research*, 18 (1), 31–48.
30. Rauh, J., 2021. Is trust in government really declining? Evidence using the sequential probability ratio test. *Acta Politica*, 56 (3), 500–529.
31. Van de Walle, S., Van Roosbroek, S. and Bouckaert, G., 2008. Trust in the Public Sector: Is There Any Evidence for a Long-Term Decline?
32. Devine, D. and Valgarðsson, V., 2024. Stability and change in political trust: Evidence and implications from six panel studies. *European Journal of Political Research*, 63 (2), 478–497.
33. Pang, H., Ruan, Y. and Zhang, K., 2024. Deciphering technological contributions of visibility and interactivity to website atmospheric and customer stickiness in AI-driven websites: The pivotal function of online flow state. *Journal of Retailing and Consumer Services*, 78, 103795.
34. Putnam, R., 2000. Bowling alone: the collapse and revival of American community. In: *Proceedings of the 2000 ACM conference on Computer supported cooperative work*. Philadelphia Pennsylvania USA: ACM, 357.
35. Alessandro, M., Cardinale Lagomarsino, B., Scartascini, C., Streb, J. and Torrealday, J., 2021. Transparency and Trust in Government. Evidence from a Survey Experiment. *World Development*, 138, 105223.
36. Klein, E. and Robison, J., 2020. Like, Post, and Distrust? How Social Media Use Affects Trust in Government. *Political Communication*, 37 (1), 46–64.
37. Horsburgh, S., Goldfinch, S. and Gauld, R., 2011. Is Public Trust in Government Associated With Trust in E-Government? *Social Science Computer Review*, 29 (2), 232–241.
38. Lissitsa, S., 2021. Effects of digital use on trust in political institutions among ethnic minority and hegemonic group – A case study. *Technology in Society*, 66, 101633.
39. Niu, G. and Zhao, G., 2018. Identity and trust in government: A comparison of locals and migrants in urban China. *Cities*, 83, 54–60.
40. Huang, S., Burton-Jones, A. and Xu, D., 2024. A configurational theory of digital disruption. *Information Systems Journal*, 34 (5), 1737–1786.
41. Schlesinger, P., 2024. The Post-Public Sphere and Neo-Regulation of Digital Platforms. *Javnost - The Public*, 31 (1), 64–88.
42. Wu, C., Wilkes, R. and Wilson, D., 2022. Race & Political Trust: Justice as a Unifying Influence on Political Trust. *Daedalus*, 151 (4), 177–199.
43. Krastev, I. and Holmes, S., 2019. *The Light that Failed: A Reckoning*. Penguin UK.
44. Wijermars, M. and Lokot, T., 2022. Is Telegram a “harbinger of freedom”? The performance, practices, and perception of platforms as political actors in authoritarian states. *Post-Soviet Affairs*, 38 (1–2), 125–145.
45. Reuter, O. and Szakonyi, D., 2013. Online Social Media and Political Awareness in Authoritarian Regimes. *British Journal of Political Science*, 45 (1), 29–51.
46. Morozov, E., 2019. Digital Socialism? *New Left Review*, (116/117), 33–67.
47. Surowiec, P. and Štětka, V., 2019. Introduction: media and illiberal democracy in Central and Eastern Europe. *East European Politics*, 36 (1), 1–8.

48. Pascal Schneiders, Daniel Stegmann, Birgit Stark, Social cohesion in platformized public spheres: toward a conceptual framework, *Communication Theory*, Volume 33, Issue 2-3, May-August 2023, Pages 122–131, <https://doi.org/10.1093/ct/qtad002>
49. Bekmagambetov, A., Wagner, K., Gainous, J., Sabitov, Z., Rodionov, A. and Gabdulina, B., 2018. Critical social media information flows: political trust and protest behaviour among Kazakhstani college students. *Central Asian Survey*, 37 (4), 526–545.
50. Barber, B., 2001. The Uncertainty of Digital Politics. *Harvard international review*.
51. Corrado, A. and Firestone, C., 1996. Elections in cyberspace : toward a new era in American politics.
52. Gainous, J. and Wagner, K., 2014. *Tweeting to Power: The Social Media Revolution in American Politics*. Oxford University Press.
53. Howard, P., 2010. *The Digital Origins of Dictatorship and Democracy*. Oxford University Press.
54. Daoudi, O., 2019. YouTube-based Programming and Saudi Youth: Constructing a New Online Class and Monetizing Strategies. In: *The Routledge Companion to Media and Class*. Routledge.
55. Riedl, M., Schwemmer, C., Ziewiecki, S. and Ross, L., 2021. The Rise of Political Influencers— Perspectives on a Trend Towards Meaningful Content. *Frontiers in Communication*, 6, 752656.
56. Engelke, K., 2019. Online Participatory Journalism: A Systematic Literature Review. *Media and Communication*, 7 (4), 31–44.
57. Naab, T. and Sehl, A., 2017. Studies of user-generated content: A systematic review. *Journalism*, 18 (10), 1256–1273.
58. Bondes, M., Kostka, G. and Rabe, W., 2024. ICT-based environmental participation in China: Same, same but digital? *Environmental Science & Policy*, 154, 103688.
59. Literat, I. and Kligler-Vilenchik, N., 2023. TikTok as a Key Platform for Youth Political Expression: Reflecting on the Opportunities and Stakes Involved. *Social Media + Society*, 9 (1).
60. Kruse, L., Norris, D. and Flinchum, J., 2018. Social Media as a Public Sphere? *Politics on Social Media*. *The Sociological Quarterly*, 59 (1), 62–84.
61. Abdulla, R., 2023. Social Media, the Public Sphere, and Public Space in Authoritarian Settings: A Case Study of Egypt's Tahrir Square and 18 Years of User Generated Content. *Social Media + Society*, 9 (1).
61. Urman, A., 2019. News Consumption of Russian Vkontakte Users: Polarization and News Avoidance. *International Journal of Communication*, 13, 5158–5182.
62. Enikolopov, R., Makarin, A. and Petrova, M., 2020. Social Media and Protest Participation: Evidence From Russia. *Econometrica*, 88 (4), 1479–1514.
63. Gainous, J., Wagner, K. and Ziegler, C., 2018. Digital media and political opposition in authoritarian systems: Russia's 2011 and 2016 Duma elections. *Democratization*, 25 (2), 209–226.
64. Little, R. J. A., & Rubin, D. B. (2014). *Incomplete data*. John Wiley & Sons, Inc
65. Gainous, J. and Wagner, K., 2023. Surfing to the political extremes: Digital media, social media, and policy attitude polarization. *Social Science Quarterly*, 104 (4), 547–558.

Джейсон Гейнус¹, Омар Дауди², Сара Крейшан³, Маха Шахер⁴, Кевин Вагнер⁵

¹²³⁴Шарджа университеті (БАӘ),

⁵Флорида Атлантикалық Университеті (АҚШ)

Бұрынғы кеңес одағы елдеріндегі үкіметтің сеніміндегі батыстық және ресейлік әлеуметтік медианы пайдаланудың рөлі

Андатпа. Үкіметтердің билікті ұстап тұру қабілеті олардың қоғамға ақпарат ағынын басқару қабілетіне айтарлықтай тәуелді. Бұл үкіметтер дәстүрлі бұқаралық ақпарат құралдарын дәстүрлі түрде бақылап отырса, әлеуметтік медианың өркендеуі жаңа міндеттер қойды. Бұл зерттеу әртүрлі әлеуметтік медиа платформаларының, атап айтқанда Facebook және Вконтакте желілерінің Қазақстан, Қырғызстан және Грузиядағы орталық және жергілікті өзін-өзі басқару органдарына деген қоғамдық сенімге қалай әсер ететінін зерттеу үшін өкілдік сауалнама деректерін пайдаланады. Зерттеулер көрсеткендей, бұл контексте Facebook үкіметке қарсы хабарламаларды таратуға бейім, ал ресейлік "Вконтакте" платформасы үкіметті қолдайтын мазмұнды таратады. Бұл алшақтық платформаны пайдалануға негізделген үкіметке деген сенім арасындағы әртүрлі қатынастарға әкеледі. Біздің нәтижелеріміз Facebook-ті пайдалану осы елдердегі орталық және жергілікті өзін-өзі басқару органдарына деген сеніммен теріс байланысты екенін көрсетеді. Ал Вконтакте желісін пайдалану әдетте керісінше әсер етеді. Біздің нәтижелеріміз бұрынғы кеңес одағы елдеріндегі саяси көзқарастар мен үкіметке деген сенімді қалыптастырудағы әлеуметтік медиа платформаларының нәзік рөлдерін түсінудің маңыздылығын көрсетеді.

Түйін сөздер: әлеуметтік медианы пайдалану, үкіметке сенім, Facebook, Вконтакте, бұрынғы кеңес мемлекеттері, Қазақстан, Қырғызстан, Грузия.

Jason Gainous¹, Omar Daoudi², Sara Kreishan³, Maha Shaher⁴, Kevin Wagner⁵

¹²³⁴University of Sharjah (UAE),

⁵Florida Atlantic University (USA)

Role of Western vs. Russian Social Media Use in Government Trust in Former Soviet Countries

Abstract. The ability of governments to maintain power significantly relies on their capacity to manage information flow to the public. While these governments have traditionally controlled conventional media, the rise of social media has presented new challenges. This study uses representative survey data to examine how different social media platforms, specifically Facebook and VKontakte, influence public trust in central and local government in Kazakhstan, Kyrgyzstan, and Georgia. Research has shown that in these contexts, Facebook tends to carry counter-government messaging, whereas the Russian platform VKontakte disseminates pro-government content. This divergence leads to differing relationships between trust in government based on platform usage. Our results show that Facebook usage is negatively associated with trust in central and local government in these countries, while VKontakte usage generally has the opposite effect. Our findings highlight the importance of understanding the

nanced roles that social media platforms play in shaping political attitudes and trust in government in former Soviet countries.

Key Words: Social Media Use, Trust in Government, Facebook, VKontakte, Former Soviet States, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Georgia.

Сведения об авторах:

Джэйсон Гайнус – автор для корреспонденции, доктор социологических наук (PhD), профессор, Университет Шарджи, Объединенные Арабские Эмираты.

Омар Дауди – доктор социологических наук (PhD), Университет Шарджи, Объединенные Арабские Эмираты.

Сара Крейшан – доктор социологических наук (PhD), Университет Шарджи, Объединенные Арабские Эмираты.

Маха Шахер – доктор социологических наук (PhD), Университет Шарджи, Объединенные Арабские Эмираты.

Кевин Вагнер – доктор социологических наук (PhD), профессор, Атлантический Университет Флориды, США.

Авторлар туралы мәлімет:

Джейсон Гейнус – хат-хабар үшін автор, әлеуметтану ғылымдарының докторы (PhD), Шарджа университетінің профессоры, Біріккен Араб Әмірліктері.

Омар Дауди – әлеуметтану ғылымдарының докторы (PhD), Шарджа университеті, Біріккен Араб Әмірліктері.

Сара Крейшан – әлеуметтану ғылымдарының докторы (PhD), Шарджа университеті, Біріккен Араб Әмірліктері.

Маха Шахер – әлеуметтану ғылымдарының докторы (PhD), Шарджа университеті, Біріккен Араб Әмірліктері.

Кевин Вагнер – әлеуметтану ғылымдарының докторы (PhD), профессор, Флорида Атлантикалық университеті, АҚШ.

Information about the authors:

Jayson Gainous – corresponding author, Doctor of Sociology (PhD), Professor, University of Sharjah, UAE

Omar Daoudi – Doctor of Sociology (PhD), University of Sharjah, UAE

Sara Kreishan – Doctor of Sociology (PhD), University of Sharjah, UAE

Maha Shaher – Doctor of Sociology (PhD), University of Sharjah, UAE

Kevin Wagner – Doctor of Sociology (PhD), Professor, Florida Atlantic University, USA